Лия Ахеджакова: «Эта страна ждет гения»

Журналистам хорошо известно, что Лия Ахеджакова сегодня не любит давать интервью. Мне, без преувеличения, крупно повезло. Если не считать жесткого условия: «Спрашивайте о чем угодно, только не обо мне самой. Давайте оставим в стороне мою персону». Договор по мере возможности соблюдался.

— Раз уж мы встречаемся за кулисами вашего театра, то о его судьбе мне и хотелось бы поговорить в первую очередь. Молодежная пресса заявляет: «Современник» умер!». Маститые критики восклицают: «Да здравствует «Современник»!». А каким видится нынешнее состояние театра изнутри?

— Насчет «умер»,— конечно, ерунда. Надо исходить из того, что русскому театру вообще сейчас безумно трудно. И материально, и... опять-таки материально — в смысле поиска репертуара. Наше время — испытание на материальность.

— Обычно говорят — на духовность...

— Это две стороны одной медали. Оставаться сейчас в театре — значит жертвовать своим благополучием. Для известного и неленивого актера заработать деньги не проблема. Всегда так было, а уж сегодня особенно много вариантов. Театр жив подвижниками, хотя на голом энтузиазме трудно прожить даже в искусстве. У «Современника» хватает мужества противостоять времени.

— Ваш театр возник как феномен одного поколения и стал символом эпохи 60-х. Не мешает ли эта заданность? Чей современник сейчас «Современник»?

— Творческий состав за последние годы обновился. Возрастные границы существуют, но не становятся поводом для конфликтов. Ни возрастных войн, ни ревности к прошлому между нами не возникает. Есть молодые актеры, называющие меня на «ты», есть сверстники, с которыми я на «вы». Смена поколений в театре происходит органично, драматизм ухода пока не ощущается. Про зрителей ничего не могу сказать. Нам известно только, кто из актеров пользуется у них большим успехом, кто — меньшим. Но мне кажется, «Современник» до сих пор отвечает своему имени.

— То есть не отстает от злобы дня? На пике «лагерной» тематики у вас появляется «Крутой маршрут». Много шума вокруг еврейской эмиграции — вы откликаетесь «Трудными людьми»...

— Театр не ставит «детские» спектакли. «Крутой маршрут», «Трудные люди» — это не конъюнктура. Я бы сказала, это предупреждение конъюнктуры. Всегда кто-то первым открывает тему. Потом в эти двери устремляется поток и халтурщиков, и талантов, но все они уже вторичны. А дорого лишь открытие. «Крутой маршрут» задумывался как дань памяти погибшим в сталинских лагерях. Тем более, у нашего театра давние связи с Василием Аксеновым, сыном Евгении Гинзбург.

А тема эмигрантства? Это ведь вечная боль России, да и всего мира. За затертым по- [illegible] не о евреях, он — об одиночестве, неприкаянности, жажде любви, общей для всех. Так что мы не подлаживаемся под моду дня, идеи постановок рождаются естественно. Зрителя нужно взволновать. И здесь есть несколько путей: или высокая литература, или тема, подсказанная жизнью, или просто — жестокая мелодрама. А миллионы людей вообще можно увлечь только детективной историей.

— Как вы предполагаете, какую тему жизнь подскажет «Современнику» в ближайшем будущем?

— Я не предполагаю, я знаю. Но рассказать не могу. Теперь театры держат планы постановок в секрете, иначе «уведут».

— По вашим словам нетрудно догадаться, что в работе опять современная пьеса. А о классике театр пока не думает?

— Должен бы думать. Не о политике же говорить со сцены? Как нам в следующий раз наплюет в душу наше правительство,— с художественной точки зрения, по-моему, абсолютно неинтересно. Но ничего конкретного относительно постановки классики я не знаю. Оказывается, и в нашем деле существуют рыночные законы. Репертуарная политика скрывается, потому что выбор пьесы превратился в вопрос выживания. Пойдет зритель или нет,— от этого впрямую зависит наш завтрашний день.

— В «Трудных людях» есть поразительно искренняя сцена ностальгических воспоминаний о земле «обетованной». Я видела спектакль после ваших гастролей по Израилю, и мне показалось, что в эту сцену вы вкладываете личное чувство.

— Да, Израиль потряс меня. Особенно Иерусалим.

Но мне бы не хотелось говорить об Израиле вскользь, между прочим и кое-как. Это тема для отдельной беседы. Например, целая проблема — эмигранты последней волны. Хотя они и на земле обетованной, но им очень нелегко.

— Вы видели кого-нибудь из уехавших актеров?

— Да, видела многих.

— А вас соблазн уехать ни- [illegible]

— Этот соблазн — «праздник, который всегда с тобой». Жить у нас сегодня нестерпимо. Не-вы-но-си-мо. Но и в другом месте я бы не прижилась. Я достаточно много поездила и поняла, что из этой затеи ничего бы не вышло. Вдобавок, я привыкла к плохому. Для меня «плохо» равнозначно «нормально». А хорошего я попросту боюсь. Всякий раз, испытывая момент счастья или покоя, тут же с ужасом думаю: за это придется платить. И чем полнее счастье, тем страшнее будет цена.

— Но ведь у вас в жизни было так много удач...

— Удача — еще не счастье.

— Творческое счастье.

— Ну, положим. Но за каждую из удач я платила неудачами и годами простоя, безработицы, невостребованности. Видимо, это закон моей судьбы...

— Ваша Рахель в «Трудных людях» была признана критиками лучшей женской ролью прошлого сезона. О спектакле, о вас и ваших партнерах много писали. Но почти незамеченным осталось то, что, по результатам зрительского опроса, вы стали и киноактрисой года благодаря участию в фильме «Небеса обетованные».

— Меня тоже удивляет молчание вокруг фильма Рязанова. Практически ни одной серьезной рецензии. Хотя, не исключено, что они мне просто не попадались. По-моему, тут явный снобизм и гордыня многих критиков. Они словно брезгуют тем, что нравится публике. Восхваляют какие-то картины и спектакли, которых никто не видел. Конечно, надо открывать новые имена, поощрять начинающих. Но не заметить безусловное событие?.. Этого я не понимаю.

— В «Небесах...» на одной свалке оказываются коммунисты и демократы, русские и евреи, полковники и диссиденты, художники и пролетарии, а охраняет их всех пес по кличке Берия. Никаких «противоречий», никакой борьбы на свалке быть не может. Сохраняется лишь одно-единственное, вечное для России противостояние — между властью и народом. А от новой власти, выходит, уже и деться некуда, разве что на небо!..

— Между прочим, суда по нашей нынешней жизни, и на свалке можно затеять войну между нищими. А что касается власти... Те, кому мы верили, обманули нас. Обманули, наверное, непреднамеренно. Они не представляли в полной мере, какую ответственность на себя взваливают. Отсутствие гениальности — еще не подлость. Но людям ведь от этого не легче. Эта страна ждет своего гения, который, наконец, выведет ее на свет. Хотя и нет уже сил надеяться. Самое страшное у нас сегодня — разочарование во всем, крушение надежд. Сразу чувствуешь себя состарившейся и безумно усталой. Я не хочу назад. Но и новые ориентиры, мягко говоря, не вдохновляют. В «Небесах обетованных» зашифрована гениальная, на мой взгляд, метафора. Люди на свалке свободны. Потому и идти им некуда. От свободы не убежишь.

— Чем останется этот фильм в вашей жизни, в вашей памяти?

— Больше всех пророчеств и метафор мне дороги его поэтичность и дивная — чисто «рязановская» — атмосфера. В картине остановлено мгновение чудного общения, дружбы, любви, нежности друг к другу. «Небеса...» — парадный портрет актеров моего поколения. Парадный в том смысле, что каждый дан крупным планом. Подарок перед разлукой. Прощальная встреча актеров, которые уже никогда вместе не соберутся.

— Почему?

— Бывает, взглянешь на фотографию, сделанную накануне войны, и начинает щемить сердце оттого, что на радостных, безмятежных лицах уже проступает печать судьбы. Боже меня упаси пророчествовать, но мне кажется, что вот так хорошо, все вместе — в последний раз.

— С двумя режиссерами вы не расстаетесь уже несколько десятилетий. Волчек и Рязанов — они похожи друг на друга? За что вы их любите?

— За талант, в первую очередь. И за то, что они любят актеров, с которыми работают. Этим общие черты, пожалуй, исчерпываются. Они оба реалисты, но у них очень разные творческие методы. Рязанов создает на площадке легкую, доброжелательную атмосферу, заряжает окружающих желанием работать, придумывать. Актер у него раскрывается, раскрепощается, импровизирует. На съемке всегда весело.

Галина Борисовна прослеживает внутренние ходы роли, стимулирует душевную работу. Она постепенно подводит тебя к нужному состоянию, и не замечаешь, когда присваиваешь ее открытия.

Но у меня есть и еще один любимый режиссер — Роман Виктюк. Из трех наших совместных спектаклей как минимум два явились для меня откровениями. А «Мелкий бес» — вообще самая большая неожиданность в моей жизни. В Израиле мы с Авангардом Леонтьевым играли спектакли, поставленные Виктюком, — «Любовь» и «Стену». С удовольствием поработала бы с этим режиссером снова, хотя от него порой хочется убежать. Но позови он — и я опять приду.

— Как правило, с актерами не следует говорить о других актерах и вообще о других людях. Их излюбленный предмет для беседы — они сами. Вы всегда были исключением из правила!

— Нет, мне просто надоело рассуждать о своем «месте» в театре и кинематографе. Я раздала множество интервью, и мой многолетний опыт подсказывает, что я уже больше ничего из себя не выковырю. Не сочинять же на ходу? Делиться профессиональными тайнами не хочется. Как только догадки раскрываются, они оказываются неверными, собственные маленькие открытия перестают работать. Озарение требует молчания.

— Однажды я услышала от вас, что печать для вас — ноль. Вы совершенно не интересуетесь прессой?

— Ну почему, интересуюсь. Но все меньше. Мы читали взахлеб, восторгались, ужасались, а потом оглянулись вокруг и поняли, что слово бессильно. Мы устали от информации, да и вообще устали. Что нас может обжечь? Гибель сотен людей — уже будни. Мы всё сказали друг другу.

— А слово критика, по-вашему, обладает силой в сегодняшнем театре?

— Я читаю рецензии и на свои спектакли, и на чужие, и вижу, что критика по-прежнему очень пристрастна и на много процентов ангажирована. Умных, глубоких, независимых критиков ничтожно мало.

— Разве живой человек способен быть беспристрастным?

— Недавно я получила из Израиля рецензию на наши выступления. Женщина-театровед, видимо, недавно уехавшая, написала о нас с Леонтьевым действительно интересную статью, интересную даже для нас самих. Не похвала, а анализ. При этом чувствуется, что она отнюдь не «фанат» Виктюка. Тем ценнее ее мнение.

— Лия Меджидовна, как вы относитесь к бесконечным актерским праздникам?

— По-моему, их даже маловато. Между прочим, я очень коллективный человек. На таких праздниках можно встретить старых друзей, партнеров, которых сто лет не видела. К сожалению или к счастью, занятость в театре не позволяет мне «праздновать» чересчур часто. Вот был «Киношок» в Анапе — не поехала. Сейчас отправились куда-то на корабле — опять мимо. А на зарубежные фестивали меня почему-то никогда не приглашают... Я общаюсь с людьми в основном по душевному влечению. Цеховая принадлежность для меня роли не играет. Просто меня тянет к людям. Если человек оригинальный, симпатичный, нежный, тонкий, какое мне дело до его профессии?

— Но как остаться «нежным» и «тонким», если сейчас гораздо спокойнее быть циничным, холодным, наглухо бронированным?

— Мне кажется, легче верующим. Кто верит в бессмертие своей души, того не слишком огорчит очередной подъем цен. В мире много непонятной жестокости. Но Вселенная в целом, наверняка, устроена разумно. Я верю, что и моя душа будет долго путешествовать во времени, но в конце концов успокоится. Мы отдохнем.

— «Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах»?

— Вполне возможно. Только надо поменьше заниматься самообласкиванием. Не жалеть себя, постараться не испоганить свою душу и не напакостить на земле.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.